УДК: 343.472

КВАЛИФИКАЦИЯ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ЦИФРОВЫХ ПОДПИСЕЙ

***Дряхлова А. А.*[1],**

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Твердохлеб М.А.,

студент,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Аннотация

В данной статье исследуются теоретические и практические аспекты квалификации служебного подлога (ст. 292 УК РФ) и фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ), совершаемых с использованием электронных документов и цифровых подписей. Автором анализируются ключевые проблемы определения «официального документа» в условиях цифровизации документооборота, специфика способов внесения заведомо ложных сведений в защищённые электронные документы, а также вопросы доказывания при использовании электронной подписи. Особое внимание уделяется проблеме разграничения служебного подлога и подделки документов (ст. 327 УК РФ), а также квалификации действий лица, использующего чужую цифровую подпись.

[1] *Научный руководитель - **Шумилина О.С.,** доцент кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*
***Shumilina O.S.,** Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia*

Обосновывается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-правовой регламентации ответственности за посягательства на достоверность электронного документооборота и формирования единообразных подходов в правоприменительной практике.
Ключевые слова: служебный подлог, фальсификация доказательств, электронный документ, цифровая подпись, электронная подпись, официальный документ, квалификация преступлений, уголовная ответственность.

Ключевые слова: служебный подлог, фальсификация доказательств, электронный документ, цифровая подпись, электронная подпись, официальный документ, квалификация преступлений, уголовная ответственность.

QUALIFICATION OF OFFICIAL FRAUD AND FALSIFICATION OF EVIDENCE USING ELECTRONIC DOCUMENTS AND DIGITAL SIGNATURES

Dryakhlova A.A.,
student,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

Tverdokhleb M.A.,
student,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

Abstract

This article examines the theoretical and practical aspects of qualifying official forgery (Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation) and falsification of evidence (Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation) committed

using electronic documents and digital signatures. The author analyzes key problems of defining an “official document” in the context of digitalization of document circulation, the specific methods of entering knowingly false information into protected electronic documents, and issues of proof when using electronic signatures. Particular attention is paid to the problem of distinguishing official forgery from document forgery (Article 327 of the Criminal Code), as well as the qualification of actions of a person using another person‘s digital signature. The conclusion is substantiated regarding the need for further improvement of criminal law regulation of liability for encroachments on the reliability of electronic document circulation and the formation of uniform approaches in law enforcement practice.

Keywords: official forgery, falsification of evidence, electronic document, digital signature, electronic signature, official document, qualification of crimes, criminal liability.

Значение института ответственности за служебный подлог и фальсификацию доказательств определяется тем, что указанные деяния подрывают основы функционирования государственного аппарата и правосудия, создавая угрозу достоверности юридически значимой информации, на основе которой принимаются властные решения. В условиях активной цифровизации документооборота и расширения сферы применения электронных документов и цифровых подписей традиционные подходы к квалификации указанных преступлений сталкиваются с существенными трудностями, обусловленными как неоднозначностью толкования ключевых признаков составов, так и появлением новых способов совершения посягательств.

Нормативно-правовую базу, регламентирующую ответственность за служебный подлог и фальсификацию доказательств, составляют положения Конституции Российской Федерации, закрепляющие принципы законности и

гарантии судебной защиты, а также нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) [1]. Центральное место занимают ст. 292 УК РФ, устанавливающая ответственность за служебный подлог, и ст. 303 УК РФ, предусматривающая ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности [1; 2]. Существенное значение для единообразного понимания указанных норм имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, в частности постановление от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» [3].

Ключевой проблемой квалификации служебного подлога в условиях цифровизации является определение понятия «официальный документ» применительно к электронным документам. Согласно действующей редакции ст. 292 УК РФ, предметом преступления выступают официальные документы, под которыми традиционно понимаются материальные носители информации, удостоверяющие факты, имеющие юридическое значение [4]. Однако в условиях электронного документооборота вопрос о том, охватывается ли понятием официального документа электронный документ, подписанный цифровой подписью, остается дискуссионным. Как отмечается в доктрине, законодатель, формулируя диспозицию ст. 292 УК РФ, не учитывает современных реалий документооборота, что порождает проблемы правоприменения.

Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» определяет электронную подпись как информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Электронный документ, подписанный квалифицированной электронной подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью. Представляется, что такие

документы должны признаваться официальными для целей ст. 292 УК РФ, однако это требует законодательного закрепления.

Специфика способов совершения служебного подлога с использованием цифровых подписей обусловлена техническими особенностями электронного документооборота. Если применительно к бумажным документам подлог предполагает внесение исправлений, подчисток, дописок, то в электронной среде способы совершения деяния трансформируются. Возможны следующие варианты: внесение заведомо ложных сведений в электронный документ до его подписания; использование чужой электронной подписи; несанкционированный доступ к системе электронного документооборота с последующим изменением содержания документа; создание фиктивного электронного документа с использованием поддельной цифровой подписи.

Особую сложность представляет квалификация действий лица, использующего чужую цифровую подпись. Если должностное лицо, обладая законным доступом к системе электронного документооборота, использует электронную подпись другого сотрудника для подписания документа, содержащего заведомо ложные сведения, содеянное, на наш взгляд, должно квалифицироваться по совокупности ст. 292 и ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), поскольку имеет место как посягательство на порядок управления, так и на безопасность компьютерной информации. Однако судебная практика по данной категории дел пока не отличается единообразием.

Вопросы квалификации фальсификации доказательств с использованием электронных документов обладают еще большей спецификой. Статья 303 УК РФ предусматривает ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому, административному делу, делу об административном правонарушении, а также по уголовному делу [2]. В условиях цифровизации судопроизводства, включая внедрение систем электронного правосудия, расширяется круг потенциальных предметов фальсификации. Электронные

доказательства - электронные документы, аудио- и видеозаписи, данные из информационно-телекоммуникационных сетей - становятся все более распространенными в судебной практике.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, под фальсификацией результатов оперативно-розыскной деятельности понимается умышленное внесение уполномоченным должностным лицом в документы, представляемые органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд, заведомо недостоверных сведений о результатах оперативно-розыскной деятельности [3]. Аналогичный подход может быть применён и к электронным доказательствам: фальсификация может выражаться в создании фиктивных электронных документов, модификации содержания существующих электронных доказательств, уничтожении или сокрытии электронных доказательств, а также в представлении электронных доказательств, полученных с нарушением установленного порядка.

Принципиальное значение для правильной квалификации имеет установление момента окончания фальсификации доказательств. Если фальсифицированный электронный документ был представлен суду, содеянное образует оконченный состав преступления независимо от того, было ли данное доказательство положено в основу судебного акта. Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, установление уголовной ответственности за фальсификацию доказательств согласуется с повышенной степенью общественной опасности указанных противоправных действий и не вступает в противоречие с конституционными принципами необходимости, соразмерности и справедливости [5].

Проблема разграничения служебного подлога и подделки документов (ст. 327 УК РФ) в условиях электронного документооборота приобретает новое звучание. Традиционно разграничение проводится по предмету преступления: если подделывается официальный документ, исходящий от органа власти или должностного лица, содеянное квалифицируется по ст. 292 УК РФ при наличии

признаков субъекта; если подделывается иной документ, применяется ст. 327 УК РФ. Однако применительно к электронным документам данная градация затрудняется, поскольку технически подделка цифровой подписи может быть совершена любым лицом, имеющим доступ к соответствующей инфраструктуре.

Как показывает анализ судебной практики, действия должностного лица, которое на основании сфальсифицированных им доказательств привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 303 и ст. 299 УК РФ, поскольку объективные стороны указанных преступлений не совпадают [6]. Аналогичный подход применим и к ситуациям, когда должностное лицо совершает служебный подлог для последующей фальсификации доказательств: содеянное требует квалификации по совокупности.

Как мы полагаем, ключевые направления совершенствования практики квалификации рассматриваемых деяний включают следующие задачи:

- законодательное закрепление понятия электронного официального документа для целей ст. 292 УК РФ;
- разработка критериев разграничения служебного подлога и неправомерного доступа к компьютерной информации при использовании цифровых подписей;
- уточнение признаков фальсификации доказательств применительно к электронным доказательствам;
- обеспечение единообразия судебной практики на основе детализированных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Недостаточная детализация и наличие оценочных признаков в уголовном законе приводит к тому, что лица, совершившие посягательства на достоверность электронного документооборота, нередко избегают ответственности, либо их действия квалифицируются неверно. В результате страдают как интересы правосудия, так и доверие к цифровым технологиям,

призванным обеспечить надежность и защищенность юридически значимой информации.

На наш взгляд, квалификация служебного подлога и фальсификации доказательств, совершаемых с использованием электронных документов и цифровых подписей, требует комплексного подхода, учитывающего как традиционные уголовно-правовые конструкции, так и современные технологические реалии. Институт ответственности за указанные деяния должен быть адаптирован к условиям цифровой экономики и электронного правосудия, что предполагает не только совершенствование законодательства, но и формирование устойчивой правоприменительной практики.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. УК РФ Статья 303. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9e171b20b3d8e246b510b69223e8ff108b73966e/ (дата обращения: 16.10.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/ (дата обращения: 16.10.2026).
4. УК РФ Статья 292. Служебный подлог [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/40396ba20fb9faf9cd9a9f15a910341de5a0b2cd/ (дата обращения: 16.10.2026).
5. Конституционные основы уголовной юстиции: Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2023 № 2175-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462019/ (дата обращения: 16.10.2026).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/sud_obzor_221216.pdf (дата обращения: 16.10.2026).
7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 11.04.2011, № 15, ст. 2036.